

Ночное возвращение

Ни единой звезды...
Как назло ни единой звезды!
Ночь, неуж ты со мной
Собираешься счёты свести?

Только лужи блестят
Да верхушки деревьев видны.
Только я всё иду
И совсем не боюсь темноты.

Тишина. Только вдруг
Оступлюсь и опять на беду
Я случайно всем телом
В сырую траву забреду.

А трава на Камчатке
По пояс и даже по грудь.
А луна не взойдёт
Осветить мой единственный путь.

Наконец вдалеке
Горизонт просветлел недвижим,
Я вдруг вспомнил: с тобой
Мы по первому снегу бежим!

Забываю тебя,
И калитка противно скрипит,
«Где ты шастал впотьмах,
Заблудившийся чёртов пиит?!»

...Тихо из темноты
Показался мой скромный приют.
Ночь ужасно длинна,
Жаль, что короток пройденный путь.

Без обиды усну,
Улыбнувшись тихонько во сне:
Из ночной темноты
Я всегда выбираюсь на свет!

* * *

Храните родину мою!
Её снегов не отвергайте...

Кс. Некрасова

Не отвергаем мы снега,
Но колея так глубока
И так мягка, что мы буксуем.
Заглох мотор — сидим, тоскуем.
А вдруг подстынет? Глупо ждать
И хочется уже пожрать,
А в «бардачке» лишь корка хлеба,
Случайно сунутая летом, —
На всякий случай закусон.
Промчался заяц за кустом.
Исчез. А нам бы только трактор
До основного выйти тракта,
А там раздолье...
Вот удача!
Какая к чёрту, парень, сдача,
А ну, держи свой пятерик!
Мы к цели вышли напрямик!
Нам тракт накатанный — отрада,
На пятой скорости, как надо,
Мы мчим, расслабившись слегка,
И лишь вокруг снега, снега...

* * *

Стою у могилы Филёва
В тишайшем сосновом бору
И думаю снова и снова:
Что будет, когда я умру?

А может, и вовсе не будет
Могилы моей у реки...
Сгорю я в огне, словно бубен
Шамана, слетевший с руки.

Вот так же меня захоронят
В чертовски далёкой глуши,
Где сонно порхают вороны
И нет ни единой души.

Никто уж не выроет яму,
Лишь пепел взметнёт вороной
Тот ветер, что вечно упрямо
Гудел над моей головой.

Парижский сон

В Париже ночью не уснуть,
И я, ворочаясь в постели,
Всё слышу посвист свиристелей,
Что мы ловили у запруд.

А под ногами лёд хрустел,
И свиристели понимали,

Что мы их вовсе не поймаем,
На миг наш детский мир грустнел.

И мне теплее оттого,
Что это снится здесь, в Париже,
Всё вместе: лёд, запруда, лыжи
И дом, где жил Виктор Гюго.

Настроение

За окном погода непутёвая,
Между рам засохли пауки.
Голова склоняется пудовая
На запястье согнутой руки.

Мысли бродят. Бродят, окаянные!
Горевать, так значит горевать!

А глаза, сегодня очень пьяные,
Никуда уж больше не глядят.

Выхожу, погода снова хмурится.
Дождь шумит, вызывая и звеня,
Заставляя, видно, образумиться,
Но уже не трогает меня.

* * *

Я не помню, когда и заснул,
Только снился мне сон: отчего-то
Я себя в этот день обманул
Или встретил случайно кого-то

И ушёл с ним. И были седы
Несуразные ели, и дико
Среди леса блестели следы,
Вслед за нами идущие тихо.

Уходил я, опять уходил,
Когда снилось мне сна продолженье,
Только взгляд твой меня разбудил,
Расширяя пределы вторженья.

Но опять засыпая, опять
Я встречаю случайно кого-то
И брожу с ним в ночи отчего-то,
Не пытаюсь всё сразу понять.

* * *

По зимнему городу бродим кругами
И жестикулируем, словно руками,
Словами, которые лезут наружу
В такую привычную раннюю стужу.

Они, замерзая, висят между нами.
Обвешаны ими мы, будто дарами.
И, кутаясь в шубы, смеёмся беспечно.
Нам кажется это мгновение вечно.

Но вновь через годы тот день вспоминаю
И с воспоминанием я замираю.
Далёкое время навеки уплыло.
Наверно, нам круга тогда не хватило.

У реки

Я больной. И в пижаме больничной
Выхожу каждым утром к реке,
В белой пене тумана привычно
Она сонно течёт вдалеке.

Что ж, беги, и до Каспия воды
Донеси свои, не расплескав.
Что тебе наши бури, невзгоды
И больничная наша тоска!

Невдомёк ей, что здесь, на откосе,
Среди душных унылых палат,
И не головы болью обносит,
А ранимые души болят.

Только ты мне, обиды прощая,
Снова шепчешь: «Какой ты больной!»
Мою душу опять укрощая
Своей тихой речною волной.

Зимняя река

Я стою у застывшей реки.
Что же в ней нахожу я такого,
Что сияю, всему вопреки,
И не надо мне счастья другого?

Вновь сюда я приеду опять —
Без неё моё сердце не сможет!

Как она не устанет сиять,
Не устанет манить и тревожить?

А пока насмотрюсь, как блестит
Под лучами холодного солнца,
Как позёмка стальная свистит
И по снежному руслу несётся.

Восточный сон

Твои раскосые глаза...
Откуда ты взялась такая?
А может, ты совсем другая?
А у меня в глазах роса,

И мне ты стала непривычной,
Восточным вымыслом являсь.

И в той росе, переломясь,
Перевернулся мир обычный,

Меня в два счёта окрутив,
Ты уезжала, уезжала...
А я зажал рукою жало,
Чтоб яд не вытек из груди.

* * *

Говорят, есть теория: льды накопив,
Крутанётся Земля и навеки
Всё исчезнет, в мгновенье водой поглотив
Все моря, океаны и реки.

Под водою окажутся материки,
И, наверное, лишь небоскрёбы
Одиноко торчать будут, как маяки,
В назидание замкам Европы.

Человечество сгинет, и, круг завершив,
Всё скорее раскрутится снова.
Но уснёт человек среди подводных вершин —
Под водою не слышится слово.

Было памятное лето —
Солнце яркое в окне!
И счастливые билеты
Попадались часто мне.

А в лесу пуржит да вьюжит —
Снега много за окном.
Скоро будет скромный ужин —
Далеко мой отчий дом.

А теперь зима да стужа,
Ну а проще — колотун.
Никому сижу не нужен
Посреди вселенских дум.

Да не так, чтобы далёко,
Только пусть скорей туда
Занесёт меня до срока
Путеводная звезда.

Подражание Корану

Когда не пишется, случаются
Такие будни, что тогда
Порою хочется отчаяться,
Слова забросить навсегда.

Переполняешь душу бременем,
Как будто движешься к беде.

И, годы путая с безвременьем,
Когда слова идут не те,

Но вот приходят долгожданные
Слова. Ты счастлив! Ты один!
Стоишь, внимая мирозданию
На высочайшей из вершин!

Последний след

Вчера была среда,
Когда ещё мело,
Когда ещё зима
Убраться восвояси
Не думала, — как то
Разбитое стекло,
Которое вчера
Блестело. День был ясен.

Но всё сошло на нет:
Зима, метель, среда,
Разбитое стекло
И день, что был с тобою.
Нам не оставив вновь
Последнего следа
На память, на потом,
Чтоб связывать с судьбою.

Темно. Средь деревьев луна одиноко
На небо полночное вышла до срока
И пялится глазом одним
На землю. Но радует путника это,
Шагать стало легче ему до рассвета —
Он будет в ночи не один.

Вот так же и я, среди бед, круговерти,
Всё думаю вновь не о жизни — о смерти,
О бренности чаши земной.
И только средь ночи могу я, в раздумье,
Болтать о своём стародавнем безумье
Вдвоём с одинокой луной.

* * *

В окно стучится ветер бесноватый,
Но уши словно бы забиты ватой,
А мне дано — иль вовсе не дано —
Сию я дома, будто в тёмной келье
Монаха, и с единственной целью —
Стих завершаю, начатый давно.

Минуло тридцать лет... Как некий фатум,
В окно стучится ветер бесноватый,
А этих лет — как не было и нет!
О, юность! Как мне дороги мгновенья,
Когда стирает всё по мановенью
Поэзия... И я иду вослед.

* * *

Возвращаться — дурная примета,
Потихоньку уходят года,
Можно сходу объехать полсвета
И назад не прийти никогда.

Рыжий цвет их на солнце играет,
Только ветер холодный уже.
Хоть не видно последнего края,
Но тревожно и зябко душе.

Но года потянулись быстрее,
Совершенно не делая вид,
На пустынной осенней аллее
Среди лиственниц плачу навзрыд.

Уезжаем из парка. Поэту
Не подвластны лишь жизни года,
И на землю прекрасную эту
Я уже не вернусь никогда.

Март

За окном метёт перед апрелем,
Напоследок, видимо, метёт.
Ничего не видно. Еле-еле
Различим ненастный небосвод.

И воюет вечная природа,
И не сходит с неба благодать.

Ощущенья скорого прихода —
Ни весны, ни лета — не видать.

Я сижу в забытом Богом крае,
Но в тепле, и снится мне покой —
Только по ночам и в виде рая
За бескрайней млечною рекой.

Случайный мотив

Ко мне, как всегда, издалёка
Приходит случайный мотив.
Наверно, всё это — от Бога,
Наверно, но ветер затих.

И всё, мне не нужное, тает,
И светится свет до небес,

Затих и опять налетает,
И делает странный замес.

В котором я вижу картину,
В которой и ветер затих.
И кто-то плетёт паутину,
Невидимый, вольный, как стих.